

Чжоу Ай провёл в больнице три недели. Только в день выписки его отец, Чжоу Жуйчэн, наконец-то соизволил явиться — впервые за всё это время.

В ту злополучную ночь всё произошло слишком внезапно, и согласие на операцию Чжоу Ай подписывал сам. На протяжении всего последующего лечения рядом с ним были лишь двое нанятых профессиональных сиделок да изредка навещавший его Чэнь Сылю.

На обратном пути водитель вёл машину, а Чжоу Ай и Чжоу Жуйчэн сидели рядом на заднем сиденье. Просматривая документы о выписке, Чжоу Жуйчэн лениво заговорил:

— Врач рекомендует тебе соблюдать покой ещё месяц.

День выдался ясным, сквозь приоткрытое окно лился тёплый солнечный свет. Чжоу Ай прислонился к стеклу, подставив лицо встречному ветру.

— Что думаешь делать? — спросил отец.

Чжоу Ай повернул голову, глядя на отца. Лицо Чжоу Жуйчэна недовольно исказилось — его явно задело это холодное отчуждение. Тем не менее он повторил вопрос:

— Я только что говорил с твоим лечащим врачом. Он настаивает, чтобы ты поменьше двигался и какое-то время побыл дома. Так что ты планируешь? Вернуться в школу или пока отлежаться?

Чжоу Жуйчэн не понимал язык жестов. Чжоу Ай взял лежавший рядом планшет, открыл заметки, быстро набрал несколько слов и протянул отцу:

«Ничего серьезного. Я хочу поскорее вернуться к занятиям».

Отец молча кивнул и уже собирался вернуть планшет, как заметил следующую строчку, отделённую пустой строкой:

«Я бы хотел подать заявление на проживание в общежитии».

Отец тут же нахмурился:

— В общежитии? Зачем? До школы от силы два километра, вечерних занятий у тебя нет. Чем тебе дома плохо? Здесь тебя кормят, стирают за тобой, учителя приходят прямо на дом. Что хорошего в этих каморках? С твоим-то характером ты там ни с кем не уживешься. — Он раздражённо отрезал: — Никакого общежития. Твой брат в последнее время совсем отбился от рук. Чжоу Ай, будь хоть ты немного благоразумнее.

Чжоу Ай не стал настаивать. Он спросил лишь раз и замолчал. Разочарования он не испытывал — он заранее знал, что отец откажет. Поэтому юноша лишь спокойно отвернулся к окну, провожая взглядом проносящиеся мимо пейзажи.

Утро, когда Чжоу Ай вернулся в Старшую школу №6, совпало со вторыми промежуточными экзаменами. Хотя его и выписали из больницы, процесс реабилитации ещё не завершился. При ходьбе ему приходилось носить корсет для поясницы, чьи очертания, впрочем, надёжно скрывала просторная школьная форма.

Из-за травмы отец на несколько дней выделил ему машину с водителем. Впрочем, подобные решения в семье никогда не обсуждались — Чжоу Ая просто ставили перед фактом, не оставляя права выбора.

Рассадку на экзаменах определяли по результатам прошлого месяца. Чжоу Ай получил первый номер в Экзаменационном зале №1. Поскольку большинство его одноклассников из Класа 1 также сдавали экзамен здесь, появление Чжоу Ая после долгого отсутствия подействовало на аудиторию как глушитель — в классе мгновенно воцарилась тишина.

Места распределялись змейкой, и первая парта Чжоу Ая оказалась в самом левом верхнем углу кабинета. С этого ракурса все присутствующие могли видеть лишь его спину. Сам он вошел как обычно: тихо, неторопливо, а когда сел за стол, и вовсе словно растворился в пространстве.

Однако не замечать Чжоу Ая в Экзаменационном зале №1 было невозможно. Он занимал абсолютное первое место в рейтинге. Целый месяц его фотография украшала доску почёта на самом видном месте первого этажа, его оценки учителя заучили наизусть, а его каллиграфический почерк вывесили на стенах как образец для подражания.

К тому же он не мог говорить.

Сидя на первой парте, Чжоу Ай по старой детской привычке отгораживался от внешнего мира глухой стеной безразличия. Стоило ему оказаться в школе, как он уходил в себя. Сейчас он лишь подмечал, что столы расставлены достаточно свободно, а из окна приятно поддувает лёгкий ветерок. Ему нравилось это место — здесь не нужно было ни с кем контактировать.

Он и не догадывался, какое любопытство вызывал у остальных. Чжоу Ай не видел тех, кто сидел позади, а потому не знал, что его исподтишка фотографируют на телефоны, скидывают снимки в общий чат параллели и всюю обсуждают каждое его движение.

Чжоу Ай сидел у окна. Мягкий солнечный свет ложился на его спокойный профиль. Слегка опустив ресницы, он занимался своими делами, не обращая внимания на суету.

Первый день экзаменов закончился как раз к обычному времени окончания уроков. Забрав телефон, Чжоу Ай увидел сообщение от водителя: «На улице перед главными воротами глухая пробка, не проехать. Жду вас у задних ворот».

После экзамена возвращаться в класс не требовалось. Школьный двор гудел от радостных голосов — ученики наслаждались долгожданной свободой. Чжоу Ай, чувствующий себя чужаком в этой шумной толпе, направился к тихим задним воротам. По пути он мимолётно подумал о бездомных кошках и собаках, которых подкармливал раньше, но высившаяся впереди стена теперь преграждала путь не только им, но и ему самому.

Медицинский корсет для поясницы сковывал движения. Напрягать мышцы пресса и поясницы Чжоу Аю категорически запрещалось, даже долгая ходьба давалась с трудом, не говоря уже о том, чтобы карабкаться через забор. Одно неловкое движение — и возникнет угроза повторной операции.

Отказавшись от мысли пробраться к холму за школой, Чжоу Ай не стал задерживаться во дворе и сразу пошел к выходу. Из-за долгого пропуска занятий отец договорился с Чэнь Сылю о дополнительных двух часах репетиторства этим же вечером. Ему нужно было вернуться домой точно в назначенный срок.

Если парадный вход Старшей школы №6 выглядел монументально и торжественно, то задние ворота, выходящие к Старому жилому кварталу, казались тесными и обшарпанными. Выйдя за пределы школьной территории, Чжоу Ай заметил на пустыре семейный автомобиль. Но не успел он сделать и шага к нему, как сзади раздался голос, заставивший его замереть на месте.

Холодный, смутно знакомый тон, в котором сквозило непривычное для его обладателя нетерпение. Это был Чэнь Сюньфэн.

— Чжоу Ай!

Чжоу Ай замер на месте. Ему запрещалось носить тяжести на спине, поэтому школьную сумку он нёс в руке. Он крепче сжал кожаную лямку. Шаги за спиной стремительно приближались, отдаваясь глухими ударами прямо в ушах.

Наконец шаги стихли. Чэнь Сюньфэн остановился совсем близко. Чжоу Ай даже почувствовал лёгкое дуновение воздуха, поднятое его резким движением.

— Чжоу Ай, — негромко повторил тот со спины.

Чжоу Ай тихо перевёл дыхание и медленно обернулся.

За спиной оказалась глухая стена, а прямо перед ним высился Чэнь Сюньфэн. Чжоу Ай скользнул взглядом по его растрепанным ветром черным волосам, а затем натолкнулся на

тяжёлый, почти осязаемый взор парня.

Он был немного ниже Чэнь Сюньфэна, но сейчас тот слегка склонился к нему. Расстояние между ними сократилось до предела, их взгляды встретились — прямо, без возможности увернуться. Губы Чэнь Сюньфэна слегка шевельнулись. Чжоу Ай ждал, что он скажет.

Но тишину этого уголка бесцеремонно нарушил чей-то хриплый, запыхавшийся голос:

— Твою мать! Ты так нёсся сюда только ради того, чтобы зажать этого парня?

От этого крика Чжоу Ай мгновенно пришел в себя. Только сейчас он осознал, что всё это время сдерживал дыхание. Неужели он действительно нервничал? Волнение для него давно стало забытым, почти чуждым чувством. Чжоу Ай заставил себя сделать спокойный вдох и разжал онемевшие пальцы. Боковым зрением он заметил приближающуюся толпу парней в яркой брендовой одежде. Их крики и тяжёлые, беспорядочные шаги окончательно разрушили остатки уединения.

Из толпы донёсся удивлённый вопль Цзян Чуаня:

— Офигеть! Брат Сюнь, ты зачем его караулишь? Его же трогать нельзя!

Кто-то из компании весело загоготал:

— Да ладно тебе, будто мы мало по ушам давали этим чистоплюям из Класа 1. Какая разница?

— Брат Сюнь, за тобой этот старый чёрт из Учебной части и так по пятам ходит. Если он тебе не нравится, скажи слово — я сам ему врежу!

Обычно у задних ворот царил тишина, но Чэнь Сюньфэн приволок за собой этот уличный балаган. Для Чжоу Ая, привыкшего к спасительному безмолвию, это было невыносимо. Он едва заметно нахмурился.

Чэнь Сюньфэн, не упуская ни одного изменения в его лице, инстинктивно вскинул руку и упёрся ладонью в кирпичную стену прямо за головой Чжоу Ая, перекрывая ему путь к бегству.

— Подожди, не уходи, — тихо и быстро бросил Чэнь Сюньфэн, заглядывая ему в глаза.

А затем резко обернулся к наседавшей толпе и прикрикнул:

— Заткнулись все. Стоять там и не подходить.

Чжоу Ай безучастно смотрел на повернутую шею Чэнь Сюньфэна. Там, на коже, белел старый шрам. Он давно побледнел и едва выделялся, но когда Чэнь Сюньфэн поворачивал голову и мышцы шеи натягивались, эта светлая полоска проступала отчетливее. Чжоу Ай заворуженно уставился на неё.

Сейчас он не мог говорить, да и в детстве был таким же — маленьким немым мальчиком, который не умел ни плакать, ни жаловаться. Дети вокруг были жестоки в своем простом любопытстве. Стоило Чэнь Сюньфэну ненадолго отлучиться, как они обступали Чжоу Ая плотным кольцом. Они хватали его за горло, грубо пытались «научить» разговаривать, швыряли в него камнями, чтобы заставить заплакать. Чжоу Ай стоял посреди этой гомонящей оравы, словно диковинный экспонат в зверинце — застывший, безучастный, не издавая ни звука.

В конце концов один из мальчишек стащил из учительской канцелярский нож. Решив, что немому не бывает больно, они захотели проверить, течёт ли у него кровь. Но лезвие скользнуло не по Чжоу Аю — оно полоснуло по шее влетевшего в толпу Чэнь Сюньфэна.

Тот раскидал обидчиков с дикой, звериной силой, вырвал нож и загородил Чжоу Ая спиной. Кровь хлестала из пореза на шее, заливая одежду, но маленький Чэнь Сюньфэн лишь небрежно смахнул её рукавом. Дико глядя на притихших детей покрасневшими глазами, он прорычал:

— Еще раз тронете его — я вас убью.

— Чжоу Ай.

Низкий прохладный голос вырвал его из плена воспоминаний. Чжоу Ай медленно поднял глаза на стоявшего перед ним человека — такого знакомого и одновременно чужого. Чэнь Сюньфэн уже повернулся обратно и теперь пристально вглядывался в его лицо.

Они молча смотрели друг на друга. Заходящее солнце окрасило горизонт в багровые тона, длинные тени легли на пыльную землю. Глубокие черные глаза Чэнь Сюньфэна затягивали, словно омут. Чжоу Ай замер, ожидая, и наконец услышал вопрос:

— Я ждал больше полугода. Каждый день крутился у тебя перед глазами... Неужели ты и правда меня совсем не помнишь?

Чжоу Аю потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать смысл этих слов. Опустевшее сердце медленно, свинцовой тяжестью опустилось на место. Он принялся пристально разглядывать лицо Чэнь Сюньфэна, пытаясь отыскать в этих резких, повзрослевших чертах образ того маленького плачущего мальчика из своего детства.

Тогда, размазывая слёзы грязным кулаком, тот ребёнок клялся вернуться на следующий же день. Маленький немой Чжоу Ай поверил ему и упрямо ждал — день за днём, целый год на одном и том же месте, пока обстоятельства не вынудили его уехать. Он так и не дождался даже тени своего защитника. И вот теперь, спустя шесть лет разлуки, первая фраза, которую

произнес Чэнь Сюньфэн при встрече, была упреком: помнит ли его Чжоу Ай?

Так вот какими были все его сомнения и проверки. Чэнь Сюньфэн узнал его в самый первый день, когда они столкнулись в Старшей школе №6. Но вместо того чтобы просто подойти, он предпочёл выжидать: приносил завтраки, постоянно попадался навстречу, следил из-за угла. Он действительно крутился рядом, как и говорил, но ни разу не сделал шага навстречу. И теперь, когда он наконец набрался смелости подойти, его первым вопросом стало: помнит ли его Чжоу Ай.

В душе Чжоу Ая неожиданно поднялась волна гнева — давно забытого, обжигающего и совершенно чуждого ему чувства.

<http://bllate.org/book/20067/1994901>